

# AMORE

ЗАРУБЕЖНЫЕ РОМАНЫ О ЛЮБВИ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

---

ДЖУЛИЯ ГРЕГСОН  
**ЖАСМИНОВЫЕ НОЧИ**

МЕЛАНИ БЕНДЖАМИН  
**ЖЕНА АВИАТОРА**

ЛИЯ ФЛЕМИНГ  
**ОТКРЫТКА**

КЭРРИ БРАУН  
**И ВСЁ РАВНО ЛЮБИ**

ДЖУЛИЯ ГРЕГСОН  
**ПРЯНЫЙ АРОМАТ  
ВОСТОКА**

ДЖУЛИЯ ГРЕГСОН

ПРЯНЫЙ АРОМАТ  
ВОСТОКА



Москва  
2016

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44  
Г79

Julia Gregson  
EAST OF THE SUN

© Julia Gregson 2008

This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd,  
and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *И. Гиляровой*

Художественное оформление *П. Петрова*

**Грегсон, Джулия.**  
Г79 Пряный аромат востока [роман] / Джулия Грегсон ;  
[пер. с англ. И. Н. Гиляровой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 576 с. — (Амоге. Зарубежные романы о любви).

ISBN 978-5-699-87453-8

Осень 1928 года. В поисках счастья три молодые англичанки отправляются в далекую Индию. Полные надежд и ожиданий, они даже не подозревают, какие нелегкие испытания им предстоят впереди. Но тайные страхи и желания девушек сильнее любых преград. Покорится ли им неприступный Восток?

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-87453-8

© Гилярова И. Н., перевод на русский язык, 2016  
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

## Глава 1

*Лондон, сентябрь, 1928*

.....

«**С**ерьезная и ответственная женщина, 28 лет, любит детей, хорошо знает Индию. Готова стать компаньонкой на рейс Тилбери — Бомбей за оплату половины стоимости билета».

Все прошло гладко, словно по мановению волшебной палочки. Заплатив три шиллинга и шесть пенсов за объявление в газете «Леди», Вива Холлоуэй получила отклик и уже через пять дней вошла в ресторан при лондонском универмаге «Дерри&Томс», где ее ждала первая заказчица, некая миссис Джонти Сауэрби из Миддл-Уоллопа в Хэмпшире.

По этому случаю Вива надела вместо обычной юбки с шелковой кофтой, купленных на распродаже, серый твидовый костюм — она терпеть его не могла, но одно время носила, когда работала машинисткой. Ее волосы — темные, густые, непослушные — были укорочены и уложены на затылке в небольшой пучок.

Чайную комнату наполнял приглушенный гул голосов, пианист играл какую-то торопливую мелодию. При виде Вивы из-за столика поднялась щуплая, как птичка, дама в необычайно голубой шляпке, на тулье которой примостилось нечто маленькое, пернатое и тоже голубое. Возле нее сидела пухлая и молчаливая девушка. К немалому изумлению Вивы, миссис Сауэрби представила ее как свою дочь Викторию.

На столике возле них лежали бесчисленные коробочки и пакеты. Виве предложили кофе, но, увы, без пирожного. Она не ела с самого утра, а на стойке под стеклянным колпаком лежали несколько булочек и восхитительное ореховое пирожное.

— Она выглядит слишком молодо, — тут же посетовала миссис Сауэрби, обращаясь к дочери, словно Вивы и не было рядом.

— Ну, ма-ам, — вполголоса запротестовала Виктория и повернула лицо к Виве. У нее были удивительные глаза: огромные, необычного темно-синего цвета, почти василькового. «Простите, тут я бессильна», — говорили они.

— Ну, мне очень жаль, доченька, но это так. — Миссис Сауэрби качнула своей ослепительной шляпкой и неодобрительно выпятила губы. — Господи, столько проблем надо решить!

Наконец она обратилась к Виве и строгим голосом объяснила, что Виктории в скором времени предстоит поездка в Индию, где она будет подружкой невесты у своей лучшей подруги Розы, которая — тут в голосе дамы зазвучали торжественные нотки — выходит замуж за капитана Джека Чендлера из Третьего кавалерийского полка. Бракосочетание состоится в соборе Святого Фомы в Бомбее.

Нанятая компаньонка, миссис Мойлетт, в последний момент их подвела — неожиданно объявила о помолвке с каким-то стариком.

В глазах миссис Сауэрби Вива уловила отчаяние и стремление поскорее разделаться с возникшей проблемой. Она поставила чашку и постаралась придать своему лицу солидность.

— Я прекрасно знаю Бомбей, — сказала она, что было верно лишь отчасти: в возрасте восемнадцати месяцев она гуляла по городу на руках матери, потом побывала там в пять лет и ела мороженое на пляже, а в последний приезд ей было десять лет. Больше она туда не возвращалась. — Не беспокойтесь, Виктория будет в надежных руках.

Девушка повернулась к Виве, в ее глазах светилась надежда.

— Если хотите, можете называть меня Тори, — сказала она. — Так делают все мои друзья.

К их столику подошел официант, и миссис Сауэрби выговорила ему за то, что им подали «обычный английский чай», а не чай с травами.

— Видите ли, я наполовину француженка, — чопорно объяснила она Виве, словно это оправдывало все ее претензии.

Пока она что-то искала в своей маленькой сумочке из крокодиловой кожи, молчаливая дочь повернулась к Виве и со вздохом закатила глаза. На этот раз она произнесла одними губами: «Извините», улыбнулась и сплела пальцы.

— Вы что-нибудь знаете про чемоданы для морского путешествия? — снова бросилась в атаку миссис Сауэрби. — Миссис Мойлетт обещала помочь нам с этим, но вот...

По чистой случайности Вива оказалась в курсе: на прошлой неделе она листала какую-то газету в поисках объявлений о работе, и некий Тэйлор Рэм поместил там огромную рекламу.

Она твердо посмотрела на миссис Сауэрби.

— «Вайсрой» превосходная марка, — сообщила она. — Там под тканевой подкладкой стальной каркас. Такие чемоданы продаются в универмаге «Армия и Флот». Точную цену я не помню, но приблизительно двадцать пять шиллингов.

В ресторане возник легкий переполох, на мгновение замолк стук ножей и вилок. В зал вошла красивая немолодая дама в блеклом твидовом костюме и практичной шляпке; она с улыбкой направилась к ним.

— Ах, это миссис Уэзерби! — Просияв, Тори вскочила и обняла пожилую женщину. — Садитесь. — Она похлопала по соседнему стулу. — У нас с мамочкой идет увлекательная беседа о чемоданах и тропических шлемах.

— Тише, Виктория, — проворчала миссис Сауэрби, — ты хочешь, чтобы весь ресторан услышал про наши дела. — Она повернулась к Виве. — Миссис Уэзерби — мать Розы. Той самой, которая выходит в Индии замуж за капитана Чендлера. Роза — необыкновенная красавица.

— Ах, я не могу дождаться, когда увижу ее. — Тори внезапно засияла от счастья. — Она такая веселая и вообще — само совершенство. В нее все влюбляются. Я знаю ее с пеленок, мы вместе учились в школе, катались на пони...

Вива ощутила знакомый укол зависти — как чудесно, когда у тебя есть подруга, которую знаешь с пеленок.

— Виктория, — с упреком проговорила ее мать. Голубое перо, торчавшее надо лбом, придавало ей сходство со слегка раздраженной птичкой. — Не думаю, что мисс Холлоуэй интересно слышать все это. Мы еще ничего не решили. Кстати, где наша очаровательная Роза?

— У доктора. — Миссис Уэзерби слегка смутилась. — Видите ли... — Она пригубила кофе и, подняв брови, со значением посмотрела на миссис Сауэрби. И тут же продолжила: — Но утро у нас было восхитительное! Мы купили платье и теннисные ракетки. Через час мы встретимся с Розой на площади Бичемп — продолжим покупку приданого. Бедная девочка будет к вечеру валиться с ног от усталости. По-моему, я еще никогда не покупала так много нарядов за один день. А что за очаровательная молодая особа сидит рядом с вами?

Виву представили миссис Уэзерби как профессиональную компаньонку. Миссис Уэзерби ласково улыбнулась и, взяв руку Вивы в свою, сказала, что рада знакомству.

— Я поговорила с мисс Холлоуэй, — сообщила миссис Сауэрби. — Она знает Индию как свои пять пальцев, а еще помогла нам решить вопрос с дорожными чемоданами; по ее словам, лучший выбор — это «Вайсрой».

— Наши девочки очень благоразумные, — с беспокойством сказала миссис Уэзерби. — Нам будет спокойнее, если с ними будет кто-то более взрослый и опытный.

— Но боюсь, что мы можем предложить вам только пятьдесят фунтов за обеих девочек, — сообщила миссис Сауэрби, — и ни пенни больше.

Тори затаила дыхание, устремив взор на свою новую знакомую, а ее губы по-детски скривились от огорчения.

Вива быстро подсчитала. Билет от Лондона до Бомбея стоит примерно восемьдесят фунтов. У нее отложено сто двадцать фунтов, и ей еще нужно будет на что-то жить, когда она приедет в Индию.

— Вполне разумное предложение, — солидно проговорила она, так, словно делала это каждый день.



Тори шумно вздохнула.

— Слава богу! Ах, как хорошо!

Вива пожалала всем руки и вышла из ресторана бодрой, уверенной походкой. Да, это будет нечто, размышляла она на ходу: нескладная девочка с васильковыми глазами так явно стремилась уехать от своей безумной мамы; ее подруга Роза вот-вот выйдет замуж, и у девочки просто нет выбора.

После этого Вива направилась в отель «Армия и Флот» для беседы с некой миссис Баннистер насчет еще одного перспективного клиента: школьника, чьи родители жили в Ассаме. Достав из сумочки листок бумаги, она прочла его имя: Гай Гловер.

И вот предприимчивая мисс Холлоуэй уже сидела с миссис Баннистер, оказавшейся нервной и раздражительной особой с торчащими вперед зубами. Лет сорока, по оценкам Вивы, хотя она не очень-то хорошо угадывала возраст пожилых людей. Миссис Баннистер заказала им обеим по чашке тепловатого чая, и все. Ни пирожных, ни печенья.

Потом она заявила, что сразу перейдет к сути, поскольку у нее в три тридцать уходит поезд в Шрусбери. Ее брат, чайный плантатор в Ассаме, и его жена Гвен «вынуждены выбирать из двух зол». Их сына Гая, единственного ребенка, неожиданно исключили из школы. Ему шестнадцать.

— Довольно трудный мальчик, но, по общим отзывам, очень и очень добрый в душе, — заверила она Виву. — Он проучился десять лет в частной школе Святого Христофора и ни разу не был за это время в Индии. По разным причинам я не стану объяснять вам, почему мы видели его реже, чем нам хотелось бы, но теперь его родители решили, что в Индии ему будет лучше. Если вы согласитесь сопровождать его, они готовы оплатить полностью ваш проезд.

У Вивы щеки запылали от радости. Если ей оплатят дорогу, да она еще получит пятьдесят фунтов от миссис Сауэрби, у нее появится в Индии небольшое пространство для маневра.

В ту минуту ей даже не пришло в голову поинтересоваться, почему такой большой мальчишка не мог доехать до Бомбея самостоятельно, без сопровождения, и почему его родители Гловеры не приехали за ним сами.

— Вы хотите узнать обо мне что-то еще, ну, рекомендации и все такое? — спросила она вместо этого.

— Нет, — ответила миссис Баннистер. — О-о, ну, пожалуйста что, да, покажите нам рекомендацию. У вас есть знакомые в Лондоне?

— Сейчас я работаю у писательницы, миссис Драйвер. — Вива торопливо нацарапала для миссис Баннистер адрес. Та рылась в своей сумочке и делала знаки официантке, готовясь убежать. — Она живет напротив Музея естественной истории.

— Еще я пришлю вам схему, как добраться до школы Гая, и вашу первую плату, — сообщила миссис Баннистер. — И большое вам спасибо за то, что вы согласились. — Она улыбнулась, обнажив свои устрашающие зубы.

Но больше всего Виву поразило другое. Она глядела вслед тетке этого неведомого ей Гая, когда та поспешно садилась в такси и прищемила полу плаща, и внезапно с ужасом подумала, как легко лгать людям — особенно когда они хотят услышать именно то, что вы говорите. Потому что ей не двадцать восемь лет, а двадцать пять, да и в Индии она была маленьким ребенком, еще до того, как все случилось, и знала об этой стране не больше, чем об обратной стороне Луны.

## Глава 2

---

— Она производит приятное впечатление, правда? — проговорила миссис Сауэрби, когда Вива ушла. — Она очень хорошенькая, — добавила она, словно это решало все, — если не смотреть на ужасный костюм. Честное слово, ох уж эти англичанки с их одеждой... — Она странно выпячивала верх-

нюю губу, когда произносила слово «одежда». Но на этот раз Тори даже не стала обращать на мать внимания.

Все нормально — у них есть компаньонка, второй этап их плана удался. Мать с ее пантомимой — что она якобы все тщательно обдумала — пускай морочит голову кому угодно, но только не ей. Все лето они так ожесточенно воевали между собой, что, если бы вместо этой Вивы явился даже волосатый павиан, ее мать сказала бы, что он производит приятное впечатление — так ей хотелось спровадить дочку с глаз долой.

Теперь Тори переполнял восторг до такой степени, что она готова была лопнуть. Утром рассыльный принес билеты; отъезд через две недели. *Две недели!* Впереди еще целый день в Лондоне; они купят одежду и другие нужные вещи из того восхитительного списка, который прислала их бомбейская родственница.

Мать Тори, обычно выдумывавшая всякие правила, например, что по вторникам только лимон с водой, в среду никаких пирожных, а перед тем, как войти в комнату, надо произнести «бинг», чтобы губы были красиво сложены, — на этот раз отступила от них настолько, что даже позволила ей съесть в «Дерри&Томс» ореховое пирожное. И теперь, когда Тори точно знала, что уезжает, все, что безумно раздражало ее в матери: манерность, жуткие шляпки, пронзительные духи («Шалимар» от Герлена), не говоря уж о прочих правилах насчет мужчин и бесед, — казалось ей почти что сносным. Потому что она уезжала, уезжала, уезжала! И надеялась, что никогда сюда не вернется. Потому, что заканчивался самый скверный год в ее жизни.

После кофе миссис Уэзерби помчалась забирать Розу от доктора.

Мать пила маленькими глоточками горячую воду с лимоном — травяного чая так и не нашлось. Перед ней лежали серебристый карандаш с такой же записной книжкой, куда был вложен список одежды.

— Теперь джоды, джодпуры. Ты ведь, возможно, поедешь в Индии на охоту.

Тори показалось, что мать говорила громче обычного, словно надеялась, что люди за соседним столиком узнают, что она и ее дочь не какие-то там серенькие провинциальные мышки.

— Си Си пишет, что глупо покупать их в Лондоне; в Бомбее она знает человека, который продаст их буквально задаром.

Си Си Маллинсон была дальней родственницей матери, и Тори по приезду в Бомбей станет жить у нее. Кроме того, та героически согласилась взять на себя все свадебные хлопоты, даже не будучи знакома с Розой. Ее письма, написанные стремительным почерком на восхитительно шуршащей бумаге, рассказывали о непрестанных вечеринках, спортивных состязаниях, бегах, а иногда и о пышных балах у губернатора.

«Такая превосходная идея, — писала она в своем последнем письме. — На бал в Бомбейском яхт-клубе явились все приличные молодые англичане, и девушки танцевали с каждым из них по десять минут, а затем меняли партнера — очень забавно и, как правило, вполне достаточно, чтобы оценить человека. — В конце письма она добавила: — Люди здесь действительно стараются быть в курсе последней моды, поэтому пришли мне с девочками парочку номеров «Вог» и, если это тебя не слишком затруднит, одну из тех божественных чайных роз из шелка — мою сожрали во время поездки голодные болотные муравьи!»

— Хинин, — мать лихорадочно пополняла список, — крем для лица, дорогая моя, не забудь. Я понимаю, что я надоела тебе своими поучениями, но *ничто* так не старит кожу, как загар, а ты и так смуглая. — Она была права: Тори унаследовала от своих предков гладкую оливковую кожу. — Щипчики для бровей; я *сама* перед твоим отъездом сделаю тебе брови. — У матери брови были еще одним пунктиком. — Вечерние платья, складной стул... о нет! По-моему, это лишнее, ты не доктор Ливингстон — я вычеркиваю...

И... — она понизила голос. — Си Си пишет, что тебе нужно захватить с собой побольше, ну, сама-знаешь-чего. Там они дико дорогие, и я...

— Мамочка! — Тори нахмурилась и отвернулась; она так и знала, что мать испортит ее чудесное утро разговорами о «куколкиных гамаках» (так она называла гигиенические прокладки). — Мамочка, — Тори наклонилась к матери, — пожалуйста, не вычеркивай складной стул. Это так романтично!

— Ах, как тебе идет улыбка! Ты такая хорошенькая, когда улыбаешься. — В лице матери что-то дрогнуло. — Жалко, что это так редко бывает.

В последовавшей тишине Тори догадалась, какие противоречивые и горькие мысли сменяли друг друга под голубой шляпкой. Кое-какие из них она знала слишком хорошо, например: вот если бы Тори чаще улыбалась или выглядела как Роза, можно было бы не тратиться и не отправлять ее в Индию; если бы она ела меньше сладкого и мучного, пила больше лимонной воды по вторникам, если бы усвоила французские манеры... Мать, кажется, всегда мысленно произносила «если бы...», думая о дочери, и испытывала огромное разочарование.

Но тут — странное дело — настоящая слеза промыла канал на густо напудренном лице матери и повисла на губной помаде.

— Дорогая моя, возьми меня за руку, — сказала мать и прерывисто всхлипнула. Тори не выдержала и отодвинула свой стул. Мать в таком настроении выглядела ужасно беззащитной и человечной, но все равно — с этим ничего уже не поделать. Слишком поздно, и вред уже причинен.

В тот день было невозможно поймать такси, и, хотя обычно они не ездили на автобусах, через час с небольшим Тори сидела наверху омнибуса и глядела на дождевые капли, упавшие на пыльную листву в парке Святого Джеймса. Автобус ехал по Пикадилли в сторону универмага «Суон & Эдгар», и Тори, чувствуя в непривычной близости от себя надушенные кости матери, удивилась своему новому приступу жалости и тоски.

Внешне все выглядело как вылазка в столицу любящей матери с послушной дочкой: отец остался дома с тарелкой сэндвичей, с легким сердцем отпустив на день своих «девочек». Но только внешне. Виновато ее собственное упрямство.

С такой высоты Тори видела огромную чашу Лондона, края которой уходили за горизонт, шикарные магазины с манекенами в витринах, замечала интересные лица, мелькавшие в толпе. Это был большой мир, непривычный для нее.

Полоски солнечного света упали на лицо матери, когда она привстала и выглянула в окно. Голубое перо на ее шляпке трепетало и жило своей жизнью.

— Дорогая моя, взгляни! — воскликнула она с得意-ханием. — Вон там «Ритц». — Боже, как я соскучилась по Лондону! — И вот так на всем пути по Пикадилли она тыкала пальцем в «клевые шалманы» (когда мать возбуждалась, английский ее подводил), места, где «они с папой» ужинали, когда им позволяли средства, еще до рождения Тори: у «Каприати», в «Ин-эн-Оут» — «жу-уткий шеф», — в «Кафе Рояль».

Позади них хихикнули две девчонки, на вид продавщицы, и передразнили мать — «жу-уткий шеф».

На этот раз Тори сказала себе, что ей плевать — через две недели она отбывает в Индию. «Когда ты улыбаешься, Когда ты улыбаешься, Весь мир улыбается вместе с тобой»<sup>1</sup>.

— Дорогая, — сказала мать, легонько ущипнув Тори за руку, — не нужно напевать мелодию в общественном месте, это ужасно вульгарно.

Они прибыли в магазин «Суон & Эдгар», в отдел конного спорта. Мать, хваставшаяся своим знакомством с администратором, попросила вызвать мадам Дюваль, вдову, как она объяснила дочери, и ее давнюю знакомую с тяжелой судьбой.

---

<sup>1</sup> «When You're Smiling» — песня, авторы Ларри Шэй, Марк Фишер и Джо Гудвин; стала популярной в исполнении Луи Армстронга, который записал ее не менее трех раз, в 1929, 1932 и 1956 гг. — *Здесь и далее прим. перев., если не указано другое.*

— Мы ищем приличные летние джодпуры, — зачем-то сообщила мать, растягивая по-лондонски гласные, привратнику, — чтобы портные в Бомбее могли видеть образец.

Потом они поднялись наверх, и Тори мысленно закатила глаза, когда мадам Дюваль, вытащив изо рта булавки, одарила миссис Сауэрби комплиментами по поводу ее стройной фигуры. Польщенная мать зарделась, на ее щеках обозначились ямочки, и она изрекла свой обычный совет насчет лимонного сока с водой и маленьких порций. Тори была вынуждена сидеть на этой зверской диете несколько месяцев, когда мать согласилась купить ей платье при условии, что размер платья будет маленький, а значит, дочери нужно похудеть. Иногда Тори казалось, что мать решила уморить ее голодом: их самая яростная ссора, чуть не дошедшая до драки, случилась, когда однажды вечером после вечеринки, где ее ни разу не пригласили на танец, мать застала Тори в летнем домике за пожиранием толстого ломтя белого хлеба с вареньем.

Как раз в тот вечер мать, владевшая несколькими языками, назвала ее немецким словом «Kummerspeck», имея в виду нездоровое ожирение у людей, которые «заедают» свои горести пирожными и прочими сладостями.

— В переводе это означает «жир от печали», — пояснила она, — и сейчас это слово подходит к тебе.

— У меня есть размер побольше. — Любезная мадам Дюваль вернулась с новыми бриджами. — Может, эти подойдут. Мы что, будем летом заниматься спортом?

— Нет, — как всегда, ответила за Тори ее мать. — Она уезжает в Индию, верно, Виктория?

— Да. — Она гляделась в зеркало поверх их голов и думала: «Какая я огромная. И жирная».

— В Индию? Как это мило! — Мадам Дюваль одарила их сияющей улыбкой. — Настоящее приключение! Везет же вашей дочери!

Мать решила продолжить тему.